

Арекеева Светлана Тимофеевна, Кондратьева Наталья Владимировна

К ПРОБЛЕМЕ ГЕРОЯ В УДМУРТСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ (РАССКАЗ М. КЕЛЬДОВА "БЕГЕНТЫЛО")

Статья посвящена концепции героя в рассказе М. Кельдова "Бегентыло"; рассматриваются неординарность воплощения удмуртским писателем образа кулака и суть его несоответствия стереотипам советской эпохи, что стало причиной идейного неприятия произведения официальной критикой и рождения ярлыка-идеологемы "бегентыловщина". Обосновывается тип главного героя как сложной личности, вобравшей в себя противоречия своего времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 16-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Осьмухина О. Ю., Иваницкий А. И.** Проблема авторской стратегии как объект литературоведческого анализа // Гуманитарные науки и образование. Саранск, 2014. № 2 (18). С. 161-162.
13. **Рожкова Т. И.** Беллетристическая книга последней трети XVIII века: диалог повествовательных практик: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2003. 186 с.
14. **Сквозников В. Д.** Метод // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 4: Лакшин-Мураново. С. 801-805.
15. **Степанов А. Д.** Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
16. **Теория литературы** / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. 513 с.
17. **Тюпа В. И.** Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт; РГГУ, 2001. 192 с.
18. **Шмидт В.** Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

AUTHOR'S STRATEGY AS LITERARY CATEGORY: METHODOLOGICAL ASPECT

Akimova Tat'yana Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
N. P. Ogarev Mordovia State University
akimova_ti@mail.ru

The article is devoted to a theoretical question: the legitimacy of using the notion –author's strategy" in modern literary criticism and the possibility of its functioning at a combination of the latest and traditional methods of research. The sources of this notion origin in domestic science and the conditions of its penetration into literary terms framework are considered.

Key words and phrases: author's strategy; author's position; dialogue; literary method of research; communicative approach.

УДК 83-32(470.51)"19"(045)

Филологические науки

Статья посвящена концепции героя в рассказе М. Кельдова «Бегентыло»; рассматриваются неординарность воплощения удмуртским писателем образа кулака и суть его несоответствия стереотипам советской эпохи, что стало причиной идейного неприятия произведения официальной критикой и рождения ярлыка-идеологема «бегентыловщина». Обосновывается тип главного героя как сложной личности, вобравшей в себя противоречия своего времени.

Ключевые слова и фразы: удмуртская литература; жанр рассказа; образ кулака; ярлык-идеологема «бегентыловщина»; хронотоп действия.

Арекеева Светлана Тимофеевна, к. пед. н., доцент
Кондратьева Наталья Владимировна, д. филол. н., доцент
Удмуртский государственный университет
sveta.arekeeva@gmail.com; nataljakondratjeva@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ГЕРОЯ В УДМУРТСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ 1920-1930-Х ГОДОВ (РАССКАЗ М. КЕЛЬДОВА «БЕГЕНТЫЛО»)©

Послереволюционное десятилетие отмечено приходом в удмуртскую литературу ряда талантливых самобытных авторов, или (по выражению удмуртского поэта Кузубая Герда) «необычайным литературным наводнением» [4, с. 337]. Впоследствии венгерский ученый Петер Домокош, автор «Истории удмуртской литературы», характеризуя 1920-е гг., оценил их как «многокрасочный, излучающий много энергии, имеющий много ярких писательских индивидуальностей» период [5, с. 207].

Несомненно, к числу ярких «индивидуальностей» относится и Матвей Кельдов (1900-1930), осмысление творчества которого остается актуальной задачей удмуртского литературоведения.

В национальных литературах 1920-1930-х гг. доминировал жанр рассказа. По мысли С. Семеновой, «эти осколки, колющиеся, грубые, грязные, неудобные для холеной литературной руки, часто выразительнее больших объемов собирали в фокус процессы эпохи, ее типы, ее ведущие векторы» [13, с. 15]. Наиболее распространен был просветительский рассказ нравоучительного характера (А. Багай, Айво Иви, Е. Евсеев и др.), высмеивающий предрассудки, предубеждения людей, обусловленные их необразованностью, темнотой и рассматриваемые как реликты прошлого. В рассказах Кедр Митрея, Г. Медведева, И. Дядюкова и др. отражались преимущественно остросоциальные конфликты, освещаемые и оцениваемые с позиции бедняков и новой власти.

М. Кельдов относится к авторам, стремившимся полнее отразить положение и судьбу людей своей эпохи: его голос и виденье окружающей действительности отличаются от восприятия большинства современников.

Матвей Сергеевич Кельдов родился в 1900 г. в дер. Новая Жикья Нылгинской волости, ныне Увинского района Удмуртской Республики, в бедной семье. Учился в Можгинском педтехникуме. В конце 1920-х гг. М. Кельдов работал в газете «Гудыри» («Гром»). Особая страница в его биографии – выступление с группой

единомышленников против критиков-функционеров в руководстве ВУАРП (Всеудмуртской ассоциации революционных писателей), которые оценивали литературное творчество исключительно по идеологическим параметрам, игнорируя эстетическую сторону произведений [12]. Участники «Платформы шести» подверглись жесткой идеологической травле. 6 декабря 1930 года (в результате обострившегося туберкулеза) М. Кельдов умирает в возрасте 30 лет. Нет сомнения в том, что его смерть была ускорена кампанией против «инакомыслящих».

Для М. Кельдова творчески плодотворными были 1927-1929-е гг. Он пишет стихи и поэмы, публикует очерки, рассказы, фельетоны, литературно-критические этюды, заметки. Остались незавершенными повести «Вишур» и «Сизьыл сюресэн» («Осенней дорогой»).

Особое место в творчестве М. Кельдова занимает рассказ «Бегентыло» (1929), подвергшийся ожесточенной критике. Интерн (Т. Иванов) породил понятие «бегентыловщина» и дал ход интерпретации произведения в идеологическом ключе: ««бегентыловщина» – это программа по преобразованию сельского хозяйства в фермерское, программа возрождения капитализма»; «программа смычки, союза кулаков с середняками в области производства»; «это сопотворение глубоко пустившего в землю корни столыпинского культурного кулака»¹ [6]. Вслед за Интерном Ан. Луан [10], Г. Медведев [11] и др. стали называть автора «Бегентыло» певцом кулаков. В частности, Г. Медведев увидел в рассказе «протест против строительства социализма» [Там же], и, как результат, писателя, которого раньше называли «попутчиком», переводят в разряд буржуазных националистов [1].

М. Кельдов взял главного героя из реальной деревенской действительности, которую сформировали сложнейшие экономические и социально-психологические катаклизмы. Государство стремилось за счет крестьян решить проблему ускоренной индустриализации, а потому вынуждало их продавать хлеб по низким закупочным ценам. Для выполнения планов по хлебозаготовкам применялись насильственные, чрезвычайные меры. «Насилие над имущими крестьянами, принимавшее безудержные темпы, вызвало ответные действия. И налоговый пресс, и насильственное изъятие хлебных запасов с опорой на батрацко-бедняцкие слои, и навязываемый земельный передел не могли не вызвать защитной реакции со стороны так называемого «жулачества»» [7, с. 179].

На таком фоне пишется рассказ «Бегентыло». Критика отождествила главного героя с автором, приписав ему мысли Пуда Михайлыча: «Если раньше были бояре, теперь вместо них коммунисты. Поэтому теперь так сложно вступить в партию... Если всех людей сделать боярами, кто будет землю пахать? А, не вступая в партию, в стороне от колхоза, скоро жить будет невозможно. Труженика начисто задушат налогами...» [8, с. 67]. Подобные высказывания принадлежат и другому герою – Лёгору: «Накопленное потом добро подчистую хотят отобрать. Если не вступаешь в колхоз, все хорошие земли им отходят... Вступаешь в колхоз – капут, не вступаешь – капут...» [Там же]. Разговор героев-кулаков звучит для того времени крамольно: это не отдельные фразы, а развернутые рассуждения героев, занимающие не одну страницу текста. Враждебный новому строю смысл этих диалогов был замечен и в высказывании главного героя о том, что город живет за счет деревни. Не проходит критика и мимо того, что героям-кулакам удается реализовать свои замыслы: блокирование работы колхоза, убийство инструкторов и др. – всё, что обнажало слабость и беспомощность Советской власти.

Ретроспективно и в сжатой форме автор представляет историю жизни своего героя. В молодости Пуд был батраком; затем его как грамотного юношу торговец Осип нанимает приказчиком. И через шесть лет совместной работы вместо вывески «Торговля Блатова» появляется другая: «Торговля Блатова и Ко». Так Пуд становится Пудом Михайловичем. Автор акцентирует внимание на том, что успехи героя обусловлены врожденными качествами: предприимчивостью, трудолюбием и хитростью ума.

До установления Советской власти и даже до начала коллективизации (в период нэпа) у Пуда Михайловича все складывалось хорошо: он разбогател, стал влиятельным человеком. Но меняющаяся действительность потребовала от него приспособления к иным условиям жизни. И тут ему вновь помогают изворотливость и ум. Он выступает как активный агитатор в пользу социал-революционной партии (эсеров), состоит членом различных комиссий, посещает всевозможные собрания. Затем открывает избу-читальню и становится авторитетным культурным хозяином. Всё это он делал в надежде избежать раскулачивания. Одновременно вместе с близкими по духу людьми он ведет свою борьбу против политики новой власти.

В зачине рассказа рисуются утренние приготовления семьи Пуда к выезду на поле – убирать овес. Оброненная женой реплика о том, что умер председатель сельсовета Опонька Миша, служит для Пуда знаком немедленно отменить домашние дела. Он спешит предпринять жизненно-важное дело – на освободившееся место поставить своего человека. Прием резкой перебивки одного плана другим подчеркивает действенность характера героя. Пуд принимает решение (через учителя Петра Аверьяныча) привлечь на свою сторону бригадира Злобина, от которого зависит, кто же займет сельсоветский пост. Он отправляет к учителю верного человека – Лёгору – с поручением передать «подношения»: муку, мед и вино.

Микросюжет, связанный с поездкой Лёгора мимо кладбища, где он якобы встретил привидение («ожившего» мертвеца) – ранее обиженного и униженного им человека, – в архитектонике рассказа, казалось бы, случайный. Такое смешение реального и сказочно-фантастического критик Интерн ассоциирует со «Страшной мезью» Н. Гоголя, считая, что пугающая картина понадобилась автору для проявления своих «гнилых» мыслей [6].

Между тем, с нашей точки зрения, эпизод этот важен и многозначен. Призрак Еремея – плод воспаленного воображения человека с нечистой совестью, подталкивающий его к осознанию того, что наказание за причиненное зло неизбежно. Поведение и ощущения обезумевшего от страха героя изображены приемом реализованной метафоры. Стремясь убежать от «привидения», Лёгор беспощадно стегает лошадь, которая уже

¹ Здесь и далее подстрочные переводы авторов статьи.

не просто несется галопом, а летит. Попавшая в колесо веревка хлещет Лёгора, который принимает это за удары преследующего его Еремея. Неживой предмет одушевляется: «Веревка же, не слыша его ойкаания, еще раза четыре ударила Лёгора и, волочась, осталась на дороге» [8, с. 71]. Традиционному выражению «душа ушла в пятки» автор придает конкретный смысл: «У Лёгора от страха душа приблизилась к губам / душа едва не дошла до губ» [Там же] – буквально: душа едва не выскочила через рот (герой едва не испустил дух).

Внешность привидения описана в подробностях: «Одет в белую рубашку, синие штаны, новые онучи и новые лапти. На ремне чернеет кисет с огнивом. Голова голая, борода огромная, распростерлась над сердцем» [Там же]. С одной стороны, детальное описание призвано подтвердить, что Лёгор разглядел видение в реальности. С другой – значима семантика одежды Еремея: подчеркнутая новизна ее соответствует облику покойника. Необычно длинная борода, голый череп – возможно, знаки потусторонности. Кроме того, бывший знахарь Еремей как бы подтверждает свои сверхъестественные способности, представ материализованным воплощением вины своего обидчика.

Событие случается в пограничном измерении – во время сумерек, когда реальное сближается (или сливается) с мифическим. Пробуждение героя и его выход из полубоморочного состояния происходят только после того, как он удаляется от кладбища: лес сменяется полем, темное, таящее в себе опасности место уступает широкому и светлому пространству.

Семантически важно и то, что в результате сумасшедшей скачки Лёгор теряет «дары», предназначенные для учителя: «Бутылка со звоном разбилась. В пыли осталось разлитое вино. Мед из лукошка вытек на дорогу, запачкал мешок и телегу. Раскачивающийся в разные стороны мешок развязался, и на дороге осталась белая полоса муки» [Там же]. Во-первых, эта «растрата» – своеобразное наказание Лёгору: он не знает, как отчитаться-оправдаться перед Пудом Михайлычем. Пролившееся вино, вытекший мед и просыпавшуюся муку можно рассматривать и как «искупительное» жертвоприношение. Сюжетно здесь можно увидеть также предвосхищение неудачи с задуманной авантюрой: как окажется, учитель, через которого Пуд сотоварищи хотели реализовать свои планы, снят с работы. Так что рассмотренный эпизод неслучаен и многозначен: он вписывается в мифологическую составляющую рассказа, органичную для изображения героев, одновременно проживающих параллельные жизни – открытую и потаенную.

Обратим внимание на то, что Пуд Михайлыч, материалист, расчетливый человек, во всем надеющийся на ум-разум, окружен такими сподвижниками как простоватый Гонди Лёгор, глуповатый Осип и др. Если главный герой и внешне, и характерологически не вписывается ни в какой стереотип, то в изображении других кулаков-богатеев проступают фольклорно-сказочные приемы. Так, род Чипы (*букв.* Куриный род) показан дегенеративным и вырождающимся: «Род Чипы теперь слабеет, *букв.* выкорчевывается. Последнее семя, Чипы Осып, с тупым умом, слабым здоровьем, доживает короткий остаток своей старой жизни» [Там же, с. 69]. Сниженный уровень остальных героев (геройный фон) одновременно укрупняет фигуру Пуда Михайлыча. В то же время в изображении кулаков доминирует реалистическое начало: с нетерпением ожидая победы белых, каждый по-своему представляет себе будущее. «Если бы победили белые, вновь могли бы мы молиться целой деревней», – мечтают Бильдым, Тёмей и Осип [Там же, с. 74]. Лепуш видит перед глазами большую торговую лавку, а Пуд желает еще больше разбогатеть, получив знания агронома и используя их на практике.

Конфликт между кулаками и сторонниками колхозной жизни, советскими активистами носит в большей степени скрытый характер, нежели открыто-враждебный. Кулаки спаивают бедняков, нашептывают им слухи о былых годах, когда жили сообща и зажиточно; распускают слухи о том, что скоро придут белые и расправятся с коммунистами и колхозниками. На фоне активности кулаков колхозные дела продвигаются медленно, вяло, без особого успеха. Заметим, что в рассказе нет индивидуализированных образов коммунистов и комсомольцев. У председателя колхоза Ванем Васи нет ни сподвижников, ни друзей. Колхозники легко поддаются на уговоры и предложения кулаков, что критики ставили в вину писателю: колхозная жизнь понадобилась, «чтобы сказать, что в колхозе, кроме лодырей и пьяниц, никого нет» [6].

Наряду со старшим поколением, автор изображает молодых героев – Лену и Григория. Пуд Михайлыч становится невольным свидетелем разговора дочери с молодым человеком, исключенным из педтехникума за кулацкое происхождение. Пуд слушает их, находясь на балконе своего дома. Отсутствие визуального плана усиливает весомость услышанных им слов.

Григорий признается, что все чаще думает о былой жизни удмуртов, когда они жили едино (нераздельно) и у них было много хлеба, меда, земли, леса. С. Ф. Васильев и В. Л. Шибанов полагают: речь идет о «золотом веке» в жизни удмуртов, поясняя, что утопизация недавнего прошлого «вызвана внешней угрозой – в данном случае сталинской политикой коллективизации» [2, с. 47]. Мечты Григория насущно-просты и в то же время масштабны для своего времени: «На берегу чистой реки красивый, крепкий дом с четырьмя комнатами, с маленькой библиотекой, граммофоном. На крыше – радиомачта. Земля в тридцать гектаров, которая разделена на девять частей и на каждой зеленеют разные культуры. Пара крупных, сильных лошадей тянет хлебоуборочную машину...» [8, с. 77].

В его словах Пуд находит отклик собственным мыслям, как будто бы Гирьш – его молодой двойник: такой же острый ум, те же амбиции. И Пуд Михайлыч приветствует отношения между своей дочерью и сыном Ондreja, предполагая, что будущий зять станет отличным работником в отрубном хозяйстве.

В мечтах Григория о будущем гармонично сочетаются старое и новое: так, наряду с числами 4, 9, 30, наделенными магическим смыслом, упоминается радиомачта как культурно-технический атрибут новой жизни.

Вместе с тем, чувство обреченности владеет молодым героем и заставляет его «хоронить» свои мечты. Отрезав, что их с Леной планы никогда не исполнятся, Гирыш обрывает разговор и запекает песню.

«Песенный» эпизод в идейно-художественном пространстве рассказа, на наш взгляд, глубоко значим. Текст песни (автор ее, по-видимому, Кельдов-поэт) допускает трактовку и в психологическом, и в философском, и в социальном ключе: она и о вечном, и о преходящем. В центре ее оппозиция «весна – осень», которая, будучи «одним из универсальных культурных кодов» [9, с. 511], метафорически означает весну и осень жизни человека, что в песне метонимически выражено образом листка, распространенным в мировой литературе, в том числе в творчестве русских поэтов (к примеру, «Листок» Лермонтова: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой / И в степь укатился, жестокою бурей гонимый; / Засох и увял он от холода, зноя и горя / И вот, наконец, докатился до Черного моря»). М. Кельдов передает движение времени через цветовую оппозицию глаголов: «зеленел весенний листок» – «вновь лист *желтеет*». Если в стихотворении Лермонтова генерируется мысль о бесконечности жизни, то в песне Гирыша образ «желтого листа» выражает безвозвратность прежних ценностей. Происходит отождествление (самоотождествление) героев М. Кельдова с «желтыми листками», ассоциирующимися с уходом, со смертью природы. В парадигму образов с негативным оттенком входят здесь также «затухающий/гаснущий день», «порванная струна», «зима».

В последних строчках песни природный план переходит в психологический – в сферу человеческой души и сердца, человеческих переживаний: «Вновь лист желтеет... В моем сердце зима» [8, с. 78]. Как можно заметить, предчувствия сердца опережают природный ход: оно наполнено ранним «холодом», бесприютностью, за которыми угадывается социальное неблагополучие. Строки: «Вновь лист желтеет... В моем сердце зима» – повторяются в эпизоде трижды, в том числе – высказанные Пудом, выражая собой состояние глубокой тоски и обреченности героев.

Песня Григория до глубины души трогает Пуда: он «плакал. Слезы текли неостановимо, стекая по лицу, попадали в рот, падали на колени» [Там же]. У него возникает желание играть на скрипке – инструменте, звучание которого отличается особой пронзительностью. Лирико-романтическая сцена, сопровождаемая образами «луны», «песни», «скрипки», представляет нам героя в новом свете: поэтичным, человеческим, страдающим, чувственным.

Вместе с тем, эпизод, исполненный ностальгии по потерянному счастью, резко контрастирует с последующей сценой жестокой расправы над районным работником Лазаревым и инструктором наробразования Кедриним.

Песня, которую поет сам Пуд, – своеобразное предупреждение этой трагической развязки: «Вы землю просили, / Я землю не дам, / А волю на небе найдете» [Там же, с. 79]. Это строки из «Песни коммунаров» эпохи гражданской войны (автор – В. Богораз). Содержание ее – палач-генерал заставляет попавших в плен коммунаров копать себе могилу и перед расстрелом говорит: «...Вы землю просили – я землю вам дал, А волю на небе найдете». Герой М. Кельдова поет песню, переиначив ее суть: «я землю *не дам*».

В художественном мире рассказа значима роль пространственного образа Бегентыло. Уже в начале текста, описывая добротный дом и основательное хозяйство Пуда Михайлыча, автор как бы ненароком актуализирует и более дальний план, то и дело переводя на него взгляд читателя: «За горой (возвышенностью) Бегентыло, словно идущее кучей стадо овец, поднимаются синие облака»; «Там виднеется гора Бегентыло» [Там же, с. 65]. Топонимическое предание, приведенное в тексте, информирует читателя о том, что в пещере, находящейся в основании горы, раньше скрывались беглецы из царской армии; они держали людей в страхе, совершая налеты и грабя их. Автор дает понять, что источником богатства Пуда Михайлыча и других кулаков служит награбленное добро: «Вместо тайного Бегентыло возникло легальное Бегентыло. Современные — беглые» уже не скрывались, не прятались» [8, с. 70]. Г. Н. Шушакова справедливо полагает: «Предание выполняет роль связующего звена между историей и современностью. События, описанные в предании, повторяются в новое время» [14, с. 110].

Впоследствии Пуд Михайлыч и его союзники в Бегентыло прятали хлеб; таким образом, пещера вновь служила им надежным помощником. Но зловещим образом Бегентыло предстает и как место расправы над коммунистами, став для них могилой. «Пуд уже знает, что его фамилия в списке подлежащих раскулачиванию. И здесь крестьянина охватывают отчаяние и ярость, которые толкают его на преступление, – трактует Т. Власова. – Вместе с другими «кулаками» он идет на убийство» [3, с. 32]. Как бусинка за бусинкой, нанизываются лихие события на «нить истории» Бегентыло. «Создается впечатление, что это место притягивает к себе зло», – пишет Г. Н. Шушакова [14, с. 110]. Кельдов заставляет читателя всё время ощущать присутствие этого невидимого, но находящегося где-то совсем рядом «героя» – Бегентыло. В пугающей немоте горная пещера наблюдает за всем происходящим, знает все тайны, но неизменно молчит. Семантически образ Бегентыло перекликается с распространенным в русской литературе 1920-х годов образом пещеры – метафорическим знаком «разрушительной стихии революции, ассоциируясь с холодом, голодом, моральным одичанием, гибелью культурного наследия, утратой духовной преемственности, наступлением на цивилизацию нового ледникового периода» [15, с. 175]. Автор развивает и нюансирует сюжет, расширяя хронотоп действия, сообщая тексту масштабность. И название рассказа, и повторяющиеся пространственные ракурсы сигнализируют о значимости Бегентыло как главном (мифологическом и историческом) образе повествования.

Ощущая и по-своему переживая дегуманизм и трагические противоречия послереволюционного времени, М. Кельдов сосредоточивает свое внимание на героях, вычеркнутых новой эпохой из жизни, то есть на тех, кто заведомо не имел будущего. Писатель утверждает ценность каждого человека как личности, с его правом на свободу, счастье, на выбор собственного жизненного пути, даже в условиях жестокой реальности. Разумеется, такая позиция не вписывалась в новую риторику, не отвечала требованиям советской идеологии.

Список литературы

1. **Ар-Серги В.** Матвей Кельдов (1900-1930) // Известия Удмуртской Республики. 2007. 26 сентября.
2. **Васильев С. Ф., Шибанов В. Л.** Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997. 304 с.
3. **Власова Т. В.** В мире, расколотом надвое // Вордскем кыл (Родное слово). 2008. № 3. С. 30-32.
4. **Герд Кузубай.** Вотяцкая литература // Герд Кузубай. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост., авт. предисл., коммент. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004. Т. 4. Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма. 384 с.
5. **Домокош П.** История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.
6. **Интерн.** Бегентыловщиналы пумит (Против Бегентыловщины) // Гудыри (Гром). 1929. 19, 20 декабря.
7. **История Удмуртии: XX век** / под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
8. **Кельдов М. С.** Бегентыло // Вьль дунне (Новый мир): антология. Ижевск: Удмуртия, 1989. Т. 1. С. 65-81.
9. **Лотман Ю. М.** Две «Осени» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 511-520.
10. **Луан Ан.** Кулак верос «Бегентыло» (Кулацкий рассказ «Бегентыло») // Гудыри (Гром). 1929. 29 декабря.
11. **Медведев Г.** Кивалтон ужез умой пуктоно (Надо хорошо наладить руководящую работу) // Гудыри (Гром). 1930. 1 января.
12. **Нош ик критика но ВУАРП сярьсь (Снова о критике и ВУАРП)** / М. Кельдов, М. Баженова, Ал. Эрик, Лади Мики, Иг. Айшон, Шмаки Тими // Гудыри (Гром). 1930. 1 января.
13. **Семенова С. Г.** Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
14. **Шушакова Г. Н.** вопросу о взаимосвязях удмуртской литературы и фольклора: художественные функции топонимических преданий в рассказе М. Кельдова «Бегентыло», повести Р. Валишина «Тол гурезь», романа Н. Самсонова «Агбай» // Г. Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья: сб. статей / сост. В. М. Ванюшев, Г. А. Глухова; отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. С. 108-112.
15. **Якимова Л. П.** Семиотика пещеры в русской литературе 1920-х годов // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 175-191.

**ON THE PROBLEM OF A HERO IN THE UDMURT NOVELISTICS
OF THE 1920-1930S (THE STORY BY M. KELDOV "BEGENTYLO")**

Arekeeva Svetlana Timofeevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kondrat'eva Natal'ya Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Udmurt State University
sveta.arekeeva@gmail.com; nataljakondratjeva@yandex.ru

The article is devoted to the conception of a hero in the story by M. Keldov –Begentylo"; the authors consider the originality of representing by the Udmurt writer an image of a kulak and the essence of its disagreement with the stereotypes of the Soviet epoch, which was the reason for ideological rejection of a literary work by the official criticism and for the origin of a label-ideologeme –begentylovshchina". The paper argues for the type of a main character as a complicated personality embodying the contradictions of his time.

Key words and phrases: Udmurt literature; genre of a story; image of a kulak; label-ideologeme –begentylovshchina"; chronotope of action.

УДК 494.3

Филологические науки

Данная статья содержит структурный анализ слов, заимствованных из русского языка. Подробно исследованы особенности морфемного освоения русизмов: антропоформанты в структуре собственных имен, появившиеся под влиянием русского языка; полукальки в составе относительных имен прилагательных. Также проанализированы случаи, когда словообразовательные аффиксы тувинского языка замещают части или отдельные морфемы русских заимствований.

Ключевые слова и фразы: структура; морфемы; аффиксы; антропоформанты; русизмы; заимствования; полукальки; имена существительные; имена прилагательные; глагол.

Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна, к. филол. н.
Тувинский государственный университет
mira.bavuu_surun@mail.ru

СТРУКТУРА РУСИЗМОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ©

Известно, что с начала прошлого столетия русский язык имеет заметное влияние на тувинский язык. О русско-тувинских языковых связях на лексическом уровне написана монография Б. И. Татаринцева «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» [5]. Мы бы хотели остановиться на структуре слов, заимствованных из русского языка, поскольку об этом пока нет специальных исследований.